УДК 343.222.1

DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-2-74-81

Значение признака «заведомость» в установлении умысла

А. Г. Иванов

*Дальневосточный юридический институт МВД России
Хабаровск, Россия*

Аннотация

С учетом законодательного определения умысла и научных мнений, высказанных учеными в разное время, проводится анализ признака «заведомость», который используется во многих нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ. В ходе исследования делается акцент на соотношение границ законодательной формулы умысла, в частности ее интеллектуального элемента, с рассматриваемым правовым понятием на примере некоторых составов преступлений. Рассматриваются границы достоверности и допустимости знаний определенных обстоятельств в рамках категории «заведомо» и их влияние на осознание общественной опасности и предвидение общественно опасных последствий. Уделено особое внимание значению данного понятия в структуре умышленной формы вины, и сделано это в сравнении с уголовным законодательством советского времени. Обсуждается роль категории «заведомость» в обеспечении принципа субъективного вменения и соблюдения запрета объективного вменения в условиях упразднения данной категории из уголовного законодательства. В резолютивной части статьи высказано предложение о целесообразности применения данного признака в уголовно-правовых нормах.

Ключевые слова

заведомость, умысел, сознание, достоверность, виновность

Для цитирования

Иванов А. Г. Значение признака «заведомость» в установлении умысла // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16, № 2. С. 74–81. DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-2-74-81

The Meaning of the Sign “Knowingness” in Establishing Intent

A. G. Ivanov

*Far-East Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia
Khabarovsk, Russian Federation*

Abstract

The article, taking into account scientific opinions expressed by scientists at different times and the legislative definition of intent, analyses the characteristic “knowledge” which is used in many norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The study emphasizes the relationship between the boundaries of the legislative formula of intent, in particular its intellectual element, and the legal concept under consideration, and on the example of some crimes. The limits of reliability and admissibility of knowledge of certain circumstances within the category “known” and their impact on awareness of public danger and anticipation of socially dangerous consequences are considered. Special attention is paid to the importance of this concept in the structure of the intentional form of guilt and this is done in comparison with the criminal legislation of the Soviet time. The role of the category “knowledge” in ensuring the principle of subjective imputation and compliance with the prohibition of objective imputation in the context of the abolition of this category from criminal law is discussed. In the operative part of the article, it was suggested that the topic should be applied in criminal law.

Keywords

knowingly, intent, consciousness, reliability, guilty

For citation

Ivanov A. G. The Meaning of the Sign “Knowingness” in Establishing Intent. *Juridical Science and Practice*, 2020, vol. 16, no. 2, p. 74–81. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-2-74-81

© А. Г. Иванов, 2020

Вина как неотъемлемый элемент преступления определяется внутренним психическим отношением к совершенному деянию, в связи с чем процесс ее установления вызывает определенные сложности, которые уже на протяжении длительного времени становятся поводом для оживленных дискуссий в научном мире.

Масштабность и многогранность указанной проблемы в уголовном праве не единожды позволила ученым обратиться к ее рассмотрению на монографическом уровне. Однако, несмотря на большое количество научных работ в данном направлении, определенного консенсуса по установлению вины при совершении преступления ученые до сих пор не достигли. Это обстоятельство позволяет в очередной раз высказаться о ее отдельном аспекте, затрагивающем применение законодательно установленного признака «заведомость» при установлении умысла.

Данный термин законодателем используется в более чем 90 составах преступлений, что составляет 35 % от норм Особенной части УК РФ. Однако при столь частом использовании однозначного подхода к его применению при установлении субъективных признаков совершенного деяния нет. На данный факт уже обращалось внимание в научной литературе [1. С. 86].

Следует отметить, что, включая рассматриваемое понятие в структуру отдельных норм уголовного закона, законодатель уходит от его разъяснения в нормативных правовых документах, и данное обстоятельство, в свою очередь, становится поводом для его научной трактовки и научного обоснования роли в конструкции вины.

Так, комментируя термин «заведомость» при убийстве лица, находящегося в беспомощном состоянии, один из научных источников прямо отождествляет его со знанием обстоятельства беспомощного состояния [2. Т. 3. С. 115]. То же самое указано по отношению к убийству беременной женщины [2. Т. 3. С. 118].

В отношении заведомости при ложном доносе (ст. 306 УК РФ) этот же источник говорит, что виновный, безусловно, сознает ложность, несоответствие действительности сведений о совершении преступления. Заведомость приравнивается к указанию на прямой умысел [2. Т. 5. С. 173].

Подобным образом к объяснению признака заведомости подходит профессор А. В. Наумов. Под убийством лица, находящегося в беспомощном состоянии, понимается осознание виновным неспособности потерпевшим оказать сопротивление [3. Т. 2. С. 68]. В условиях убийства беременной женщины заведомость означает обязательную осведомленность виновного о беременности потерпевшей [3. Т. 2. С. 170]. Также при ложном доносе лицо осознает, что сообщает заведомо ложные сведения о совершении преступления [3. Т. 3. С. 510].

Еще один, не менее известный и уважаемый в научном мире источник, рассматривает заведомость при убийстве лица, находящегося в беспомощном состоянии, как очевидное, несомненное и бесспорное осознание факта беспомощности состояния [4. Т. 2. С. 182]. По отношению к беременности потерпевшей виновный должен быть осведомлен о наличии состояния беременности. Причем эта осведомленность исключает возможность сомнений и предположений у убийцы относительно наличия состояния беременности у потерпевшей [4. Т. 2. С. 188–189]. При ложном доносе заведомость свидетельствует только о прямом умысле, где виновный на момент сообщения достоверно знает о том, что предоставляемая информация ложная [4. Т. 5. С. 251].

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в указанном источнике авторы также идут по пути отождествления понятия заведомости с прямым умыслом. Тем не менее, подобный подход вызывает определенные сомнения. Еще в прошлом столетии была высказана мысль о том, что заведомость относится к интеллектуальной сфере, и делать из указания на нее непосредственно вывод о прямом умысле, как известно, включающем в себя определенный волевой момент, непозволительно [5. С. 129].

В целом же несложно заметить, что все вышеуказанные источники едины во мнении о трактовке понятия «заведомость» как о достоверности и убежденности виновного в наличии у объекта преступного воздействия отдельных характеризующих особенностей (беспо-

мощное состояние, беременность, ложность сведений и т. п.). Данный подход к объяснению рассматриваемого термина не подлежит оспариванию.

Более того, правильность его трактовки подтверждается описанием в толковых словарях, где также отмечается единство понимания, и определяется заведомость как хорошо известный, ясный, несомненный факт [9. С. 816; 10. С. 473].

Не ставя под сомнение правильность суждений о рассматриваемом термине столь уважаемых ученых в области уголовного права, хотелось бы заострить внимание на целесообразности использования рассматриваемого понятия в конструкции отдельных уголовно-правовых норм.

Совершенно очевидно, что мнение корифеев уголовного права о законодательном использовании термина «заведомо» и имеющаяся на сегодняшний день проблема его практического применения позволяют ряду ученых, затрагивающих вопросы вины в уголовном праве, дискутировать о роли и значении рассматриваемого критерия в УК РФ. Трактую термин «заведомость» как заранее известное, достоверное знание о юридически значимых фактах, некоторые авторы считают, что подобный подход позволит разграничить предумышленные действия и аффективные и надлежущим образом учесть все характеристики вины (форму, сущность, степень, объем) при назначении наказания [1. С. 88]. Причем представленное разъяснение термина «заведомость» предлагают закрепить в рамках постановления Пленума Верховного Суда [1. С. 94].

Данное предложение представляется не совсем целесообразным, так как проблем с интерпретацией рассматриваемого критерия в научном сообществе не наблюдается. Проблема, как представляется, кроется в применении указанного критерия в условиях установления вины, т. е. в установлении осознания либо неосознания виновным указанных законодателем отличительных признаков объекта преступного воздействия, где, собственно говоря, возможно проявление субъективной ошибки.

Еще один момент в применении рассматриваемой категории заслуживает внимания. В рамках анализа конкретной уголовно-правовой нормы учеными допускается распространение действия термина «заведомость» на иные признаки, обозначенные в диспозиции. Так в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ заведомость, отнесенную законодателем к осознанию виновным беспомощного состояния потерпевшего, предлагается рассматривать и по отношению к осознанию возраста жертвы (малолетство), объясняя это требованиями принципа субъективного вменения [1. С. 88].

Не соглашаясь с данным высказыванием, хотелось бы заметить, что уголовное законодательство не приемлет расширенного толкования, и используемая законодателем терминология, пусть порой не совсем понятная и противоречивая, должна быть применена исключительно в отношении того признака, которому она непосредственно адресована.

В рамках исследования значения категории «заведомость» в уголовно-правовых нормах нельзя не обратить внимания на позицию законодателя, который уже не единожды¹, внося поправки в Уголовный кодекс РФ, отказывался от использования исследуемого термина в преступлениях против несовершеннолетних либо не достигших определенного возраста. Не объясняя своего решения, законодатель просто исключил из ряда уголовно-правовых норм критерий «заведомость».

Совершенно очевидно, что при имеющейся дискуссии по вопросу применения рассматриваемого термина указанные изменения уголовного законодательства не могли не вызвать полемику в научном мире. Некоторые ученые попытались объяснить действия законодателя сложностью установления этого критерия в процессе доказывания при расследовании и су-

¹ Федеральный закон от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 03.08.2009. № 31, ст. 3921; Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // СЗ. 05.03.2012. № 10, ст. 1162.

дебном рассмотрении дела данной категории, а также повышение роли рецидива и роста преступлений данного вида. Исключение критерия «заведомость», по мнению А. Ю. Епихина, вызывает опасение возникновения процесса расширения репрессивной роли уголовной политики и, как результат этого, привлечение невиновных лиц к уголовной ответственности либо к более строгому уголовному наказанию [8. С. 13].

Продолжая рассуждать о последствиях исключения признака заведомости в отношении возраста или несовершеннолетия потерпевшего в ряде уголовно-правовых норм, ученый полагает, что это обстоятельство может негативно отразиться на расследовании уголовных дел данной категории в части соблюдения принципа вины и запрета объективного вменения. Объясняя столь категоричное заявление, он ссылается на существовавшую до указанных изменений необходимость установления наличия осознанности и достаточных сведений у обвиняемого о недостижении потерпевшей возраста 16 лет. К этому, как полагает А. Ю. Епихин, обязывал признак заведомости. И далее, выражая свое несогласие с принятыми законодательными изменениями, он заявляет, что в данной ситуации наблюдается тенденция к некоторому отходу от субъективного вменения, при которой отсутствие достоверных сведений о возрасте несовершеннолетнего и вменение совершения преступления по объективным признакам (возрасту несовершеннолетнего) находятся в прямом противоречии с запретом объективного вменения [8. С. 15].

Не хотелось бы поспешно соглашаться с выводами уважаемого ученого, и не потому, что они не верны, а потому, что любая мысль, в том числе и научная, должна быть всесторонне рассмотрена и критически оценена, а уж затем принята или отвергнута.

В целях более объективной оценки применения признака «заведомость» в ряде уголовно-правовых норм, особенно устанавливающих ответственность за посягательство на личность, представляется правильным по приведенным в научной литературе высказываниям провести классификацию значений рассматриваемого признака, и с учетом этой классификации рассмотреть роль исследуемой категории при установлении вины.

Исходя из приведенных научных позиций, применение категории «заведомость» в уголовно-правых нормах необходимо для:

- обозначения исключительно прямого умысла;
- разграничения преднамеренных и аффективных действий;
- особого указания на достоверность знаний виновным отличительных признаков объекта преступного посягательства.

Как представляется, одной из причин отсутствия в научном сообществе единого понимания роли рассматриваемой категории в уголовном законодательстве является попытка определить ее значение без привязки к законодательной формуле умысла.

В свое время Г. А. Злобин и Б. С. Никифоров прямо указывали на допущение учеными небрежного обращения с терминологией закона в рамках комментирования признака заведомости, содержащегося в конструкции отдельных уголовно-правовых норм [5. С. 220]. Представляется, что и сегодня однозначно опровергнуть данное утверждение нельзя.

Рассмотрим, как находит свое подтверждение мысль об использовании критерия «заведомость» для обозначения исключительно прямого умысла.

Из представленных выше научных суждений ученых видно, что они едины в плане определения смысла термина «заведомость» и рассматривают его как достоверность знаний виновным отличительных признаков объекта преступного посягательства, указанных в норме Особенной части УК РФ. Бесспорен и тот факт, что эти достоверные знания находятся в границах интеллектуального момента умысла. Разграничение прямого и косвенного умысла, исходя из положений ст. 25 УК РФ, происходит исключительно по волевому моменту. Заведомость предполагает лишь знание виновным отдельных обстоятельств об объекте преступного посягательства, а уж совершение преступления при этих обстоятельствах может произойти как с прямым, так и с косвенным умыслом. Следовательно доводы о значении критерия «заведомость» как указание исключительно на прямой умысел не находят своего подтверждения.

Как представляется, не находит подтверждения и положение о том, что рассматриваемая категория позволит отграничить преднамеренные действия от аффективных. Во-первых, не совсем удачным с точки зрения юридической техники видится термин «преднамеренные действия», которые в своем точном лексическом значении означают действия, совершенные перед умыслом. Во-вторых, если в данном контексте предполагается заведомость у виновного знаний об определенных обстоятельствах до возникновения умысла, то подобное не исключено и при совершении преступления в состоянии аффекта, так как в данном состоянии недопустимо исключать интеллектуальный элемент (сознание). Разве нельзя в состоянии аффекта причинить смерть беременной женщине при условии, что факт беременности известен виновному, но состояние аффекта было вызвано иным обстоятельством, например, тяжким оскорблением со стороны потерпевшей? Можно, но в этом случае квалифицироваться это деяние должно по ч. 1 ст. 107 УК РФ. Это обстоятельство и доказывает допустимость заведомости при совершении преступлений в состоянии аффекта.

Коснемся особого законодательного указания на достоверность знаний виновным отличительных признаков объекта преступного посягательства. Именно это значение видится более приемлемым в качестве объяснения применения рассматриваемой категории в уголовно-правовых нормах. Но вот на актуальность данного объяснения следует обратить внимание.

В середине прошлого столетия этот вопрос поднимался в научной литературе [5. С. 217], и применение законодателем термина «заведомость» рассматривалось как критерий разграничения формы вины в преступлениях. Именно в условиях действия УК РСФСР 1960 г. актуальность данной проблемы не вызвала сомнений, так как в законе не было прямого указания на форму вины в нормах Особенной части. И в процессе правоприменения зачастую возникал вопрос: умышленно или неосторожно совершается то или иное преступление? Рассматриваемая категория однозначно определяла обязательное наличие умысла при совершении преступления.

В настоящем Уголовном кодексе РФ в ч. 2 ст. 24 существует прямое указание на разграничение формы вины применительно к составам преступлений. Деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Профессор А. В. Наумов по этому поводу говорит следующее: в случаях, когда диспозиция статьи Особенной части УК РФ не конкретизирует форму вины, предусмотренное этой статьей преступление может быть только умышленным [3. Т. 1. С. 392].

Учитывая данное обстоятельство, в настоящее время вопрос разграничения форм вины в преступлении решен на законодательном уровне, и необходимость определять форму вины с учетом различных факторов, в том числе и с помощью используемой законодателем терминологии, отпала.

Сказанное позволяет предположить, что в нынешних условиях категория «заведомость» утрачивает свое предназначение и продолжает оставаться в нормах уголовного кодекса исключительно как пережиток старого закона.

Для убедительности высказанного утверждения необходима его более детальная аргументация. Выше не раз было отмечено, что заведомость в нормах уголовного закона подразумевает достоверность знаний об обстоятельствах в отношении объекта преступного воздействия, на которые обращает внимание законодатель в отдельных составах преступлений. Также было определено, что критерий «заведомость» относится к интеллектуальному моменту умысла. Учитывая указанные условия, следует обратить внимание на законодательную формулу умысла, закрепленную в ст. 25 УК РФ, причем, оставив за пределами рассмотрения волевой момент. В ней законодатель установил, что лицо должно осознавать общественную опасность своих действий (бездействия), предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий. Применяя данную формулу к конкретному составу преступления (возьмем для удобства те же составы преступлений, на которые было обращено внимание выше), получаем, что виновный должен осознавать, общественную опасность (противоправность) своих действий, направленных на лишение жизни человека, а также

предвидеть опасные последствия своих действий в виде смерти человека. А если законодатель указывает на определенные отличительные характеристики потерпевшего (беспомощное состояние, беременность), то, исходя из принципа вины и формулы умысла, сознанием виновного должны быть охвачены и эти обстоятельства. В противном случае деяние должно квалифицироваться как простое убийство.

Подобной трактовке подлежит интеллектуальный момент умысла при ложном доносе. Сознанием виновного должно быть охвачено, что предоставление ложных сведений представляет опасность для общества, и он, предоставляя ложные сведения, причиняет вред общественным интересам. При отсутствии в сознании виновного признака ложности действия лица нельзя признать преступлением.

Теперь, применяя ту же формулу умысла к тем же составам преступлений, попробуем провести подобный анализ интеллектуального элемента умысла, но уже с учетом признака заведомости.

При этих условиях виновный должен осознавать общественную опасность (противоправность) своих действий, направленных на лишение жизни человека, находящегося в беспомощном состоянии (или в состоянии беременности), достоверно знать, что потерпевший находится в беспомощном состоянии (в состоянии беременности), предвидеть опасные последствия своих противоправных действий, выражающихся в смерти лица, находящегося в беспомощном состоянии (беременной женщины). Получается, что в границах сознания виновного обязательно (согласно формуле умысла) должно найти отражение то, что его действия совершаются в отношении лица с определенными признаками (беспомощное состояние или беременность), он еще должен достоверно знать о факте беспомощного состояния или беременности. Возникает вопрос, насколько уместно установление его осведомленности в отношении установленных законодательных характеристик объекта преступного воздействия (чего требует категория «заведомость»), если этих же знаний непосредственно требует формула умысла?

При рассмотрении данного вопроса нельзя не учесть мысль Г. А. Есакова о том, что границы или оттенки осознания простираются от достоверности знаний до допустимости отдельных особенностей, указанных в уголовно-правовых нормах [9. С. 16].

Также нельзя не вспомнить В. Н. Кудрявцева, который интеллектуальную сторону психического отношения к отдельному объективному признаку сводит к двум вариантам: «сознавал – не сознавал». Более тонкие различия психического отношения, как указывает ученый, не должны влиять на разграничение преступлений [10. С. 172].

Как представляется, законодательная формула умысла не позволяет изменить квалификацию преступления при условии, что виновный не достоверно знал, а допускал, исходя из каких-либо характеризующих признаков, те обстоятельства, что лицо находится в беспомощном состоянии или в состоянии беременности.

Более того, законодатель не во всех составах преступлений, предполагающих умышленную форму вины, использовал термин «заведомость». Но в то же время данное обстоятельство не дает право игнорировать установление в рамках сознания виновного отражения отличительных признаков объекта преступного воздействия, невзирая на его достоверный или допустимый характер. Допустимость не означает заблуждение виновного в отношении отдельных фактов, и соответственно говорить о фактической ошибке, которая при определенных обстоятельствах исключает вину, не приходится.

Если в условиях достоверности или допустимости осознания отдельных фактов психологическая составляющая преступления не меняется, то соответственно не меняется и социальная опасность деяния.

Та же самая ситуация происходит и применительно к ложному доносу. Виновный осознает, что предоставление ложных сведений представляет опасность для общества, предвидит, что в результате предоставления ложных сведений будет причинен вред, при этом еще должен осознавать (заведомость) ложность предоставляемых сведений.

Подобная картина будет наблюдаться при наложении формулы умысла во всех составах преступлений, где имеется признак заведомости.

В итоге напрашивается вопрос: для чего необходимо дублирование, а в процессе правоприменения двойное установление интеллектуальных моментов умысла, связанных с осознанием виновным определенных обстоятельств об объекте преступного воздействия, на которые прямо указывает законодатель?

Возможно, именно в рассмотренном аспекте и заключается проблема применения признака «заведомость» в уголовно-правовых нормах, о котором неустанно говорят в научной литературе. Как вариант ее решения – исключение критерия «заведомость» из УК РФ, что, собственно, и отмечается в процессе внесения законодательных изменений, указанных выше.

В завершение хотелось бы высказать несогласие с опасением ряда ученых по поводу отступления от принципа субъективного вменения в результате секвестирования категории «заведомость» в конструкции составов преступлений Особенной части УК РФ. Именно имеющаяся законодательно закреплённая формула умысла при надлежащем ее применении не позволит использовать объективное вменение лишь по факту наличия обстоятельств у объекта преступного воздействия без осознания этих обстоятельств виновным.

Список литературы

1. **Дядюн К. В.** Проблемы толкования и применения критерия «заведомость» при квалификации убийств // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 86–95.
2. Курс уголовного права. Особенная часть: Учебник для вузов / Под ред. Г. И. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. Т. 3. 480 с.; Т. 5. 512 с.
3. **Наумов А. В.** Российское уголовное право: Курс лекций: В 3 т. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2011. Т. 1: Общая часть. 768 с.; Т. 2: Особенная часть (главы I–X). 552 с.; Т. 3: Особенная часть (главы XI–XXI). 704 с.
4. Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. Т. 2: Преступления против личности. 682 с.; Т. 5: Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право. 951 с.
5. **Злобин Г. А., Никифоров Б. С.** Умысел и его формы. М. Юрид. лит., 1972. 264 с.
6. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. **Ефимова Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1. 1209 с.
8. **Епихин А. Ю.** Проблемы исключения признака заведомости из диспозиций отдельных составов преступлений на основании Закона от 29.02.2012 № 14-ФЗ // Российский следователь. 2013. № 14. С. 12–15.
9. **Есаков Г. А.** Осознание возраста потерпевшего лица в половых преступлениях: позиция судебной практики // Уголовное право. 2011. № 6. С. 15–17.
10. **Кудрявцев В. Н.** Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. 304 с.

References

1. **Dyadyun K. V.** Problems of interpretation and application of the criterion “knowledge” in the qualification of murders. *Journal of Russian Law*, 2018, no. 5, p. 86–95. (in Russ.)
2. **Borzenkov G. I., Komissarov V. S.** (eds.). The course of criminal law. Special part. Textbook for universities. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2002, vol. 3. 480 p.; vol. 5, 512 p. (in Russ.)

3. **Naumov A. V.** Russian penal law. Course of lectures. In 3 vols. 5th ed. Moscow, Volters Kluver, 2011, vol. 1: General part, 768 p.; vol. 2: Special part (chapters I–X), 552 p.; vol. 3: Special part (chapters XI–XXI), 704 p. (in Russ.)
4. **Korobeev A. I.** (ed.). Full course of criminal law. In 5 vols. St. Petersburg, Publishing house of R. Aslanov “Legal center Press”, 2008, vol. 2: Crimes against the person, 682 p.; vol. 5: Crimes against the state. Crimes against military service. Crimes against the peace and security of mankind. International criminal law, 951 p. (in Russ.)
5. **Zlobin G. A., Nikiforov B. S.** Intent and its forms. Moscow, Legal Literature, 1972, 264 p. (in Russ.)
6. **Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.** Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov Institute of Russian language. 4th ed. Moscow, Azbukovnik, 1999, 944 p. (in Russ.)
7. **Efremova T. F.** New dictionary of the Russian language. Sensible-word-formation. Moscow, Russian language, 2000, vol. 1, 1209 p. (in Russ.)
8. **Epikhin A. Yu.** Problems of exclusion of a sign of knowledge from dispositions of separate structures of crimes on the basis of the Law of 29.02.2012 no. 14-FZ. *Russian Investigator*, 2013, no. 14, p. 12–15. (in Russ.)
9. **Esakov G. A.** Awareness of the age of the victim in sexual crimes: the position of judicial practice. *Criminal Law*, 2011, no. 6, p. 15–17. (in Russ.)
10. **Kudryavtsev V. N.** General theory of crime qualification. 2nd ed. Moscow, 2004, 304 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received
15.03.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Иванов Андрей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД, Дальневосточный юридический институт МВД России (Хабаровск, Россия)

Andrey G. Ivanov, candidate of judicial sciences, head of Department, Far-East Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia (Khabarovsk, Russian Federation)

grant74@mail.ru
SPIN 1525-3492